

Юлия Тимур

ПСУ ПОД ХВОСТ

сатирические рассказы

Юлия Тимур

**Псу под хвост.
Сатирические рассказы**

«Издательские решения»

Тимур Ю.

Псу под хвост. Сатирические рассказы / Ю. Тимур —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590936-7

В сборнике «Псу под хвост» собраны юмористические и сатирические рассказы Юлии Тимур. Эти истории прогонят плохое настроение и заставят читателя улыбнуться!

ISBN 978-5-00-590936-7

© Тимур Ю.
© Издательские решения

Содержание

Путешествие недотёпы	6
Примите вертикальное положение	7
Боллезненные вирусы	9
Дачные страдания	11
Помощь скорая	12
Как нас дома кот встречал	15
Людопёсы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Псу под хвост Сатирические рассказы

Юлия Тимур

Иллюстратор Юлия Борисовна Тимур

© Юлия Тимур, 2022

© Юлия Борисовна Тимур, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0059-0936-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествие недотёпы

Анталья-Москва, на гребне шестой волны пандемии, август 2022

Примите вертикальное положение

AZUR air. Анталья-Москва. Боинг-пенсионер. Невозмутимые стюардессы. Пять часов – полёт нормальный!

Самолёты стали теснее, а перелёты – длиннее.

Стюардессы быются тележками в пассажирские кресла, норовя окропить свежезаваренным чаем и кофе сидящих ближе к проходу пассажиров, впопыхах отшатывающихся от каталки с провизией и невольно бьющих локтями рядом сидящих путешественников, толерантно и всё же неодобрительно поглядывающих на них, столь неловких.

Извините!

Не стоит.

А потом с удивлением обнаруживают, что кофе, попадая из чайника в бумажный стаканчик, становится айс-кофе и, в принципе, можно было не бояться окропиться, и всё же пятнистым стать тоже не хотелось...

В приятной задумчивости о тёплой и ласковой морской волне и крепком и горячем турецком кофе, свободно откинувшись в кресле авиалайнера, пассажир тут же получает удар «бревном» прямиком в поясницу, за которым следует серия коротких хаотичных ударов в ту же область. В чём дело? Думает неокропленный под облаками и недовольно поворачивается назад, чтобы громко возмутиться увиденным и отчитать «бревно», примостившееся аккуратно за ним, за злой умысел. Но, обернувшись, видит растерянного, придавленного спинкой его кресла пассажира, пытающегося встроить свои разного калибра конечности в стремительно исчезающее весьма малое пространство жизни перед ним.

А бревна-то не было! Злорадно улыбается откинувшаяся счастливица – дама средних лет, средней наружности и роста, но плотного в боевых и опорных точках веса, продолжая старательно утрамбовывать им слишком длинного и строптивого пассажира, распластавшегося в позadi стоящем кресле. Не гуттаперчевый мальчик, к тому же слишком высокого роста, но почтительного и миролюбивого возраста, принимает единственное, как ему кажется, верное решение, и вместе со спинкой кресла опадает на колени позadi сидящего пассажира.

Аллилуйя!

Но тут раздается крик следующей примятой креслом жертвы, недовольной возмутительным поведением пассажира, сидящего во впреди стоящем кресле.

– Вы что делаете?!

Однозначно визжит девушка возраста оголтелого эгоцентризма и бескомпромиссной борьбы за личные права, одновременно тщетно, но напряжённо встраивая свои конечности в свободный миллиметр жизни перед ними.

На что другая жертва, извиняясь, ссылается на свои прижатые конечности, которые частично расправились за счёт отбрасывания спинки кресла.

– Сейчас же вернитесь в вертикальное положение!

– Не могу. Скажите об этом даме, сидящей впреди меня.

– Не вернусь! С какой стати?! – орёт впреди всех сидящая. – Самолёт набрал высоту, и я могу законно лежать в кресле!

Высокий пассажир с ровным характером, зажатый между двумя другими пассажирками: одной – ни за что не желающей откинуться, чтобы облегчить свою участь, второй – не желающей вернуться в вертикальное положение – сам вместе с креслом принимает вертикальное положение и отчаянным жестом забрасывает конечности в проход, по которому туда-сюда снуют заботливые стюардессы, в упор не замечающие вызревающий в салоне самолёта конфликт.

– Уберите ноги! Сейчас мы будем развозить еду. Как мы проедем здесь с тележками?!

– Верните всех в вертикальное положение! – стонает несчастный, скрутивший конечности легкоатлета в улитку-завитушку, прилепив их к спинке впереди стоящего кресла.

– Не вернусь! Мне так удобнее! – орёт дама откинувшаяся в кресле первой. – Имею право. Лечу транзитом из самого Магадана!

Во временно повисшей и тревожной тишине раздаётся тихий вкрадчивый голос с небес: командир корабля сообщает, что прямо сейчас всем страждущим будут предложены напитки и еда. Одновременно загорается табло пристегнуться, разоткинуться, иллюминироваться.

– Ох! – с облегчением вздыхает пассажир, на котором уже никто не лежит и в спину никто не стучит, с вожделием разминая длинные конечности, в обычное время не доставляющие ему особых хлопот.

Болезненные вирусы

Где-то во Фрязево, дачные посёлки

Нет, только в маске и с санитайзером. И чтобы в метро, и там, где народ скопился, обязательно в маске. А потом руки: пшик-пшик. Нет, пшик-пшик-пшик. На руках пальцев много – каждый надо охватить. И мизинчик, мизинчик не забыть тоже. Им удобно кончик носа почёсывать, и если в уголках губ что-то застряло, ковырнуть там кончиком ноготка мизинчика, который для этой цели всегда чуть длиннее, чем на остальных пальцах. А вирус коварный, – тот везде. Он же обильными осадками вычихнут или выкашлян изо рта болящего прямо на благую почву здорового организма. И как только туда попал, сразу очень живенько начинает размножаться. Пшик-пшик на него, чтобы не было ни его, ни потомков его! Аминь!

– Господя, зачем маску-то нацепили?! Посмотрите на него! – презрительно передёргивает крупными открытыми плечами, припалёнными жарким дачным солнцем, дама того уязвимо-го возраста, которому Роспотребнадзор настоятельно рекомендует носить защитную маску в местах скопления народа. А магазин – это скопление продавцов и покупателей. Правда, вероятнее всего, при встрече с токсинами этой дамы вирусы должны тотчас инактивироваться, выпасть в осадок и моментально исчезнуть, словно их и не было.

А наш герой, скромно выбирающий продукты в дачном магазинчике, в котором цены свободно летят в дальнюю даль, а посему больше похожи на заграничные, то есть в своём полёте вышедшие за разумную грань, с лицом учёного, от которого всё время ускользает важное открытие, пытается вычислить, сколько стоит килограмм тараньки, если за одну худенькую рыбку, ребристую и пересушенную, выловленную, наверное, в прошлом году в местной речке желтушке, ему предлагают заплатить четыреста рублей. Это ж сколько килограмм-то стоит? Тысячи две, не меньше! Это ж почти осетра можно купить!

– Чего маску нацепил? – не унимается вирулентная дама, стоящая где-то рядом с таранькой и явно требующая пристального внимания к себе.

– Я недавно из Турции. У меня и ПЦР есть. Отрицательный. А у вас? – на всякий случай вежливо интересуется наш герой, до сих пор не понимающий, почему подмосковная худосочная таранька вдруг стала дороже астраханской воблы с икрой и претендует на место рядом с осетром.

– Что? – поражается неожиданному вопросу дама с открытыми плечами, вывалившимися из цветастого платья-халатика дачного фасона.

– Ну, я вот и привит, и с тестом даже. А вы?

– А что я?! Прививки не спасают, тесты не помогают, – опешила дама и отошла от опасной тараньки. – Мне, пожалуй, булочек с маком и вот той минералки, – переключилась она на продавщицу, скромно улыбающуюся во время диалога клиентов магазина.

– То-то и оно, что не спасает. Вот и боюсь – вдруг какую заразу в самолёте схватил.

Сколько же стоит килограмм этой чёртовой тараньки? Две тысячи, что ли? Не перестаёт удивляться наш герой, добавляя к трёхстам рублям ещё одну бумажку и расплачиваясь с довольной жизнью продавщицей.

– А вы такой молодец. Из Турции только прилетели и сразу маску надели, – слышит он уже удовлетворённый щебет дамы с булочкой. – И Бидон заболел. Да ничего его не берет! Господи!

Внезапно разволновавшаяся дама со вкусом и минералкой, облегчив кошелёк и душу, направляется к выходу, исподтишка бросая заговорщические взгляды на нашего героя.

– Чтоб он сдох!

– Кто? Вирус?

– Ничто его не берёт! Ничто! – стена, прошла она мимо нашего героя, слегка двинув того локтем, под которым зажала пакет с булочками и минералкой.

Наконец, расплатившись за «золотую рыбку», озадаченный герой, сняв маску и плеснув санитайзер на руки, чтоб ничто не пристало, пошёл в сторону дач:

«Кого она имела ввиду? Хотя, какая разница – ничто его не берёт!!! Интересно, почём у них пиво к тараньке? Гулять так гулять! А то вирусы вокруг. Да, и санитайзером на тараньку плеснуть не помешало бы: мало ли кто на неё чихал и чего ей желал!»

Дачные страдания

Лето вишни пироги
Яблоки насосы.
Комары, в лесу – грибы
Начались покосы.

Грядки банки огурцы
И рассол с укропом.
А к обеду голубцы
С клюквенным сиропом.

Ради-кУлит ишиас —
Метит под колено.
На прополку нынче пас —
Отдохну наверно.

Грядка треснула под дых —
Ягода пропала.
На кустах остался жмых —
На варенье мало.

Осень слива и компост.
Зреет облепиха.
Банки ягоды компот —
Закатал всё лихо.

Снег покой и тишина
И варенье к чаю.
Может, дача не нужна?
В марте загадаю.

08.2022

Помощь скорая

Таки заболел! И маска не спасла, и санитайзер иже с ней. Я всегда, как только в толпу внедряюсь, которая в закрытом помещении скопилась, сразу медицинской маской прикрываюсь. Для надёжности и чтобы здоровье не пострадало. А как оттуда выхожу, то маску – долой и на руки пшик-пшик санитайзером. Удивительно, как и где умудрился прихватить заразу? Хотя, чему удивляться-то? Никто ведь маски не носит! Только раз в метро заметил группу китайских туристов: все, как один, в масках. Дисциплинка, однако! И я с ними в вагоне – тоже китаец, потому что в маске. Они дружно вышли на станции, и всё – остался я один супротив всех вирусов и микробов. А вирусов вокруг полно: сидят и ждут, голодные, к кому бы прицепиться. Организм же у меня деликатный, хоть и прививками укреплённый, поэтому лапки с готовностью поднял и тотчас сдался на милость узурпатора.

А как всё хорошо начиналось! С другом в приятной атмосфере по фужеру пива выпили. Смотрю – другу хорошо. Он даже второй заказать собрался. А мне что-то, наоборот, плохо стало. И уж второй точно не войдёт – из меня и первый того гляди выплеснется. Ну, в такой ситуации остаётся только одно – ретироваться домой и бегом в кровать, предварительно заглянув в удобства. Поэтому, сославшись на то, что, похоже, я внезапно не в себе оказался, спешно покинул питейное место.

Но уединение в домашних удобствах не помогло – облегчения не случилось. Кости ломило, голова раскалывалась, а тело горело жарким пламенем и требовало скорейшего охлаждения, потому как ему снаружи было невыносимо жарко – август решил побить все температурные рекорды, – а внутри, в самом теле, судя по всему, произошло внезапное извержение вулкана.

Может, это солнце во всём виновато? День-то был солнечный, вид – панорамный, из теней – только силуэт со-фужерника напротив. А этого, согласитесь, чтобы уберечь деликатный организм от перегрева, вовсе не достаточно. Вот и ударил солнечный кулачок по темечку, по неприкрытым шапкой мозгам! Температура к тому же поднялась самая что ни на есть солнечная: сорок. Хорошо, что в доме лекарственные запасы имеются. Осталось только доползти до стакана, плеснуть в него воды и принять в себя жаропонижающую таблетку. Еле дополз. Лихо плеснул, аж на паркет что-то пролилось. Но не до пролитого. Принял таблетку. Жду. Никакого жаропонижения не наблюдается. Может, градусник вздумал бастовать, и ртуть от удивления на сорока градусах застыла? Взял другой, электронный, модный. Ко лбу приложил. Так тот разок жалобно пикнул и вырубился: сначала пунктиры по экрану побежали, а потом и сам экран погас. Мол, я с такой критической температурой работать отказываюсь: у меня батарейки сразу садятся.

А мне что делать? Как с такими градусами прежней жизнью жить? Придётся профи вызывать, чтоб охладили тело до градуса, совместимого с жизнью.

Усилием воли собрав варёные мозги в кучку, посетовал на своё самочувствие оператору скорой. Услышал заветное: ждите! И смиренно лёг ждать. И часы на всякий случай перед собой положил, чтобы торопить взглядом время. Скорая домчалась на удивление быстро: не успел даже начать страдать по причине нерасторопности здешнего здравоохранения, как вдруг услышал спасительный вой сирены. Приехали спасители! Выполз в коридор, заранее распахнул дверь и прилёг горячим телом на косяк, плотно к нему прижавшись.

Из лифта вышли двое мужчин. Один, который по всей видимости доктор, потому что хмурый и серьёзный, с порога сразу про ванную комнату спросил и туда направился. Второй – помоложе и в тех местах, где руки, весь синий, потому что в наколках, с чемоданчиком и в маске, решительно в комнату двинулся. И я за ним, покачиваясь и за стенки хвата-

ясь, поплёлся. Но про себя отмечаю, что у бригады вид такой жизнеутверждающий и немного домашний. И если бы не белые халаты, то прям ребята с нашего двора! Никаких тебе комбинезонов, респираторов, защитных очков. Сразу где-то внутри полегчало как-то. Даже на кровать не лёг, а сел и шутить пытаюсь: что ж вы так легкомысленно оделись к такому горячему пациенту? Но синий – ни-ни. На шутки мои не реагирует. За руку схватил и «прищепку» на палец крепит. Не прищепку, конечно, – дыхание моё специальным устройством проверяет. Любопытствует, много у меня ещё кислорода осталось или весь сгорел, как только в раскалённые лёгкие попал.

– Ну как?

Интересуюсь. Молчит. Но, видимо, достаточно ещё кислорода. Потому что из чемоданчика ничего особенного доставать не стал. Тут и второй, приняв ванну, в комнату вошёл. Ну, я опять наводящие вопросы задавать начал: а не это ли со мной приключилось, от чего прививки не спасают и маски не берегут? Теперь оба не отвечают. Тот, который руки помыл, бумажку длинную вытащил, ручку достал и сам начал мне вопросы задавать. А у меня температура солнечная, поэтому я иногда, видимо, невпопад отвечаю и шутками сыплю странными. А какой спрос с горячей головы? Решили они сначала мне температуру сбить. Тот, который синий, чемодан наконец раскрыл и в шприц что-то набирает. И с этим делом ко мне идёт, велит к нему спиной повернуться. А у меня, хоть голова и горячая, а помню: руки-то он не помыл! Безобразие выходит полное.

– А вы руки помыть не хотите? – вежливо намекаю ему, чтобы он в ванную заглянул.

– Так не внутривенный укол же, – ухмыляется.

– Всё равно. Вы хоть и в маске, а руки помыть полагается. Мало ли что у вас на них. Может, другого больного трогали. А теперь ко мне с манипуляциями лезете.

– Да не лезу я к вам. Вот ещё! Больной какой строптивый. Подставляйте место для укола. У меня шприц одноразовый!

– А вы руки сначала помойте!

Чувствую, температура от возмущения ещё на градус повысилась. Наверное, все сорок один уже есть. Прямо горю. А в том месте, куда укол полагается, испарина возникла, и трусы к ней прилипли. Неудобное обстоятельство! Я потихоньку их отлепить пытаюсь, аэрацию незаметно создаю. А синий уже ухмыляться начал: видит, как я пальцы растопырил и резинку на боксерах оттянул и штанинами, словно веером, размахиваю.

Тут доктор, который в своём талмуде, наверное, целое сочинение успел написать, от писанины оторвался.

– В чём дело? Почему больной ещё не уколотый?

– Да вот не даётся. Капризничает.

Рапортует ему синий.

– Сейчас в инфекционку заберём с такой температурой. Чего с ним возиться?

– Не поеду я никуда. А ваш сотрудник пусть руки сначала помое, а потом уже к больным прикасается!

– А ты что, руки не помыл?

– Так не внутривенное... Ладно. Уже иду.

В общем, укол мне сделали. И вопросы опять задавать начали. Что ел, что пил, где был, нет ли поноса, горло не болит? И палочкой в рот до самых миндалин залезли. А потом фонендоскопом в меня потыркали. Живот со всех сторон помяли.

Всё в порядке, говорят.

На прощанье ещё раз температуру померили. Охладел на градус. Это хорошо – им понравилось. Если вдруг ночью хуже будет, скорую вызывать велели.

А сами собираются. Чемоданчик складывают. А что со мной, не говорят. Я опять с вопросом, мол, от чего лечиться-то?

Доктор подбородок почесал. На меня оценивающим взглядом посмотрел.

Решил, похоже, что я уже охлаждённо-вменяемый и можно к диагнозу перейти.

– Ну, то, что у вас вирус, это однозначно. А какой именно, возможны варианты. Может, ротавирус, может, аденовирус, а, может энтеровирус. И ковид тоже очень может быть. Вы температуру сбивайте. А завтра вам медсестра позвонит. Если нужно будет, то и зайдёт.

– В смысле, нужно будет? А что, может, и уже не нужно будет, поздно, что ли?! – волнуясь.

– Экий вы горячий! Ежели симптомы другие появятся, то зайдёт. А вы лежите, да за симптомами следите.

За сим удалились. Да, руки опять не помыли. Я хоть и горячий, но приметливый. И ведь без маски доктор был. Может, и мне снять её, к чёрту? Не, не буду. Вдруг они тоже какую заразу с собой принесли! Надо после них всё санитайзером побрызгать. А маску всё-таки сниму. Уф, дышать без неё легче стало. И пахнет после санитайзера так хорошо, жизненно! Таки выздоравливаю, похоже.

Как нас дома кот встречал

Кот встречал нас в коридоре. Предварительно старательно наточил коготки о когтеточку, стоящую аккуратно напротив входной двери, потом с грацией пантеры приблизился к блудным детям, бросившим его почти на три недели на произвол судьбы. «Произвол судьбы» – муж и отец семейства – вошёл в дом вместе с нами, волоча за собой огромный и почти пустой чемодан, и тоже предстал пред суровые очи кота.

«Сейчас даст плюху, то есть тигра в глаз!» – подумалось мне, глядя в требовательную, выразительную, сосредоточенную на нас кошачью морду.

Но Кот задрал хвост и быстро помчался за нами и чемоданом в комнату, мешая нам туда идти, путаясь под ногами. Потом, когда все сели на диван, запрыгнул ко мне на колени и внимательно обнюхал. Нет, им не пахнет! Пришлось ему срочно обработать шею хозяйки своим языком и немножечко «причесать» им мне волосы, пока блудные и безответственные не стряхнули его на пол и куда-то опять заторопились, резко поднявшись с дивана. И тут Кот отчаянно кинулся нам под ноги, чтобы мы вдруг не забыли про него. А потом сразу занырнул в огромное чрево открытого хозяйской рукой чемодана и устроил содержимому нюх-контроль. Пахло хорошо – колбасой!

Кот, как настоящий мужик, ждал нас стойко, но слегка безразлично. Страдания его происходили преимущественно во сне, в котором он находился большую часть дня и ночи. И по этой причине Кот умудрился особо не усложнить жизнь отцу семейства, выходя из затяжного сна лишь для того, чтобы заставить последнего открыть холодильник и накормить, чем бог послал. Муж в должности бога был щедр: кормить не забывал. И Кот, впавший во время нашего отсутствия в спячку, естественно, подобрел в боках и теперь, пытаясь играть, заваливается набок, так как его лапы разъезжаются на скользком паркете, с трудом удерживая внушительное брюшко, напирющее на них сверху.

Но, что действительно интересно, так это то, что Кот за время нашего отсутствия стал разговорчивее! И теперь постоянно подмякивает, подмурмыкивает, следуя за нами по пятам. Хорошо, что был ватсап, и Кот каждый день слышал наши голоса, обращённые к нему и, возможно, даже видел наши сюсюкающие лица, недоумевая, кто нас засунул в эту маленькую тесную коробку.

«В общем, хозяева, с освобождением вас из этой во всех смыслах неудобной штуки! Мя-мя-муру-ру-ру!» Видимо, безостановочно повторяет он.

Людопёсы

– Твой ребенок будет таким же, как воспитанная и выращенная тобой собака!

Вспоминаю я когда-то сказанную моей подругой шутиливую фразу. И нет-нет, да задумаюсь: а шутила ли она?

Конечно, шутила! Но иногда...

Мой пёс породист. И это серьезное обстоятельство не забывает мне частенько продемонстрировать: «Ты меня воспитывай, конечно, но не забывай, с кем дело имеешь!» Говорит его сосредоточенный на моей мало породистой персоне взгляд.

«Спать на коврик, пусть даже в специальном собачьем домике? Хорошо ли ты подумала? Лапки у меня коротенькие нежные, шерстка гладенькая: я же г-л-а-д-к-о-ш-е-р-с-т-н-ый, а не лайка какая-нибудь сибирская, на которой шерсти, как на мамонте, – мне ночью грелка под боком нужна. Сон у меня тревожный: сколько собак во дворе днем облаял, как за вырезку переживал – достанется или нет? Не идет ночью сон ко мне. Да и о тебе ночью думать приходится: на месте ль ты, одеяло не слетело ли с тебя, с кровати не упала ли? А вдруг на тебя нападет кто? Муха прожужжит, комар накинется? Пока я из угла до тебя добегу, налечу на него, – все, он кровку-то твою попил! А если одеялко с тебя упало? Замерзнешь как пить дать, простынешь, а потом как гулять со мной будешь?»

В общем, аргументы у моей собаки всегда железные! И мое слабенькое возражение:

– Да ворочаюсь я во сне, придавить тебя могу, – не очень-то и действует.

«Не беспокойся, я в ногах прилягу!» – всем видом сообщает мне мой визави.

– Забирайся, – вздыхаю, проигрывая битву за кровать и за сон в одиночку на ней.

Под утро нас двое на подушке: я и ты. Ты храпишь мне в ухо, развалив во все стороны четыре конечности, совсем даже по-человечески дрыхнешь на спине.

Толкнуть барина нельзя, чтобы на бочок перевернулся – барин во сне и сам упрется в тебя всеми четырьмя лапками, да так, что остается одно: перебраться на край кровати, чтобы не мешать священному сну императора. Тем более скоро рассветет, и ты, следуя генетике поведения, скоро проснешься. Почему только «следуя»? Да потому, что охотишься ты исключительно на колбасу в холодильнике и за папиными вкусно пахнущими носками и тапочками, последнее – настоящий деликатес, который ты, не сдержавшись от свалившегося на твое тонкое обоняние счастья, повизгивая, позволяешь себе немного пожевать. «О вкусах не спорят!» Говорит в этот момент твой торжествующий взгляд.

Проснувшись, ты внезапно подскочишь, превратившись в выпущенную стрелу, и в радостном экстазе запрыгнешь на мое тельце, которое из последних сил пытается притвориться спящим. Но не тут-то было! Сейчас последует умывание! Самое что ни на есть настоящее. Широко открыв свою пасть и высунув длиннющий язык, ты облизываешь все то, что неосмотрительно оставлено поверх одеяла: нос, лоб, глаза. «Ну что, соня, ты еще не посмела встать? Тогда я залаю! Мой звонкий бас-баритон, ты не смотри на мой мелкий размер, разбудит не только тебя, но и соседей. А-а-а, ты уже шаркаешь тапочками, ну, молодец! Пойду охранять тебя под дверь ванной комнаты – вдруг не дойдешь? Или что еще хуже, уснешь там невзначай? Не бойся, я с тобой!» – говорит твоя счастливая морда.

Выползаю из ванной и вижу, что мой страж исчез. «Где ты?» Вяло беспокоюсь я, натягивая зимнюю одежду и готовя «сбрую» для тебя: ошейник, поводок, попону на меху. Где ты, мой жаждущий прогулки генерал?!

Слышу шарканье тапочек из комнаты родителей, и ты, довольный, несешься в мою сторону: «Вот, отца поднял, сегодня холодно, пойду с ним погуляю. А ты поспи!» Лупишь ты хвостом по полу, радуясь своей гениальной идее.

Не веря свалившемуся счастью, ползу в комнату, чтобы упасть на кровать и, если повезет, то заснуть.

Но мой легкомысленный дружок запрыгивает ко мне на кровать вновь и шальными, счастливыми глазами гипнотизирует меня: «Я передумал – будем играть в снежки! А это – только с тобой.»

Опять прыжок в сторону с поводком в зубах, которым при следующем прыжке, ты тычешь мне в нос. «Ты что, не поняла?»

Сползаю в одежде с кровати. Иду в коридор, там уже стоит одетый «вовсезимнее» отец, поджидая их величество. Их Величество, со своей стороны, с поводком в зубах наконец появляется из спальни родителей, представ во всей красе перед своими вассалами.

«И они все со мной?»

Говорит твой торжествующий взгляд, скользящий от меня к отцу.

И тут начинает «закипать мой котел со сна»:

– Пошли уж, подставляй свою ослиную шею!

«Ч т о?!» Выражение явного ужаса обозначилось на твоей артистичной морде.

«Как грубо, фи, я пошел за мамой!»

Хватаем пройдоху на лету и опытным движением – не первый день выходим на прогулку! – набрасываем лассо на мустанга. Все! Готов.

Косой обиженный взгляд поправленного достоинства еще долго прожигает меня, пока мы спускаемся в лифте на первый этаж, вызывая в недрах моего еще не вполне проснувшегося сознания чувство вины.

Но снег, его так много на улице, что ты, залавав от восторга, забываешь свои обиды и несешься вперед, перебрасывая свое длинное, на коротких лапках тельце через сугробы. Прыжок вверх – и ты пропал: снега так много, что ты полностью погрузился в него. С лаем выбравшись из-под завала, ты вновь несешься вперед. А я за тобой, я на поводке у тебя, да-да! Именно я, а не ты на поводке у меня: ты тащишь меня туда, куда неведомыми дорогами ведет тебя твоё охотничье обоняние. Часто мы делаем остановки, чтобы передать приветы подружкам и рассказать конкурентам, что здесь прошёл Я, могучий и вонючий, но это, конечно, не о тебе. Ты – сильный, грозный и любвеобильный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.